

На правах рукописи

Анна

АННАЙ Эллада Кан-ооловна

**ЭКСПРЕССИВНАЯ ЛЕКСИКА ТУВИНСКОГО ЯЗЫКА,
ХАРАКТЕРИЗУЮЩАЯ ЧЕЛОВЕКА
(в сопоставительном аспекте)**

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Специальность 10.02.20 – Сравнительно-историческое,
типологическое и сопоставительное языкознание

Новосибирск – 2021

Работа выполнена в отделе языкознания (словарей), литературы (фольклористики) Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва.

Научные руководители: заведующая Сектором языков народов Сибири Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института филологии Сибирского отделения Российской академии наук, доктор филологических наук **Широбокова Наталья Николаевна**; доцент кафедры туvinской филологии и общего языкознания Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Тувинский государственный университет» (г. Кызыл), кандидат филологических наук **Салчак Аэлита Яковлевна**.

Официальные оппоненты:

ведущий научный сотрудник Института гуманитарных исследований и саяно-алтайской тюркологии Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова» (г. Абакан), доктор филологических наук **Чертыкова Мария Дмитриевна**;

руководитель научно-исследовательского отдела языка, фольклора и литературы Бюджетного научного учреждения Республики Алтай «Научно-исследовательский институт алтаистики им. С. С. Суразакова» (г. Горно-Алтайск), кандидат филологических наук **Саналова Байару Борисовна**.

Ведущая организация: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук» (г. Якутск).

Защита состоится 21 октября 2021 г. в 10:00 на заседании Диссертационного совета Д 003.040.01 по защите диссертаций на соискание учёной степени кандидата и доктора филологических наук по специальности 10.02.20 – Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание при Федеральном государственном бюджетном учреждении науки Институте филологии Сибирского отделения Российской академии наук по адресу: 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, д. 8. Тел.: (383) 330 84 69; факс: (383) 330 15 18; e-mail: dissovet_d_003.040.01@mail.ru.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института истории Сибирского отделения Российской академии наук (г. Новосибирск, ул. Николаева, д. 8). Полный текст диссертации доступен по адресу: https://www.philology.nsc.ru/dissovet/2021_defence.php.

Автореферат разослан «__» _____ 2021 г.

Учёный секретарь диссертационного совета,
кандидат филологических наук _____



О. Ю. Шагдурова

В языке отражается не только окружающий мир, но и сам человек. Экспрессивы являются яркими образными средствами, передающими языковую картину мира того или иного народа. Экспрессивная лексика каждого языка индивидуальна и уникальна, экспрессивные слова определяют значимые для общества характеристики человека.

Экспрессивная лексика в современном тувинском языке ранее не была объектом специального исследования. Данная работа является первой попыткой рассмотреть экспрессивную лексику тувинского языка на фоне аналогичной лексики русского языка. Сравнительно-сопоставительное изучение определенных лексических групп родственных и неродственных языков становится актуальным в современных условиях широких межъязыковых контактов.

Тувинский и русский языки, являясь государственными языками Республики Тыва, генетически и типологически относятся к разным группам. Активное влияние русского языка на тувинский началось после вхождения Тувинской Народной Республики в состав СССР (1944 г.). Влияние на тувинский язык со стороны русского языка приобрело масштабный характер, отражающийся во всех сферах социальной и хозяйственной жизни тувинского народа.

В истории взаимодействия тувинского и русского этносов выделяется несколько этапов тувинско-русских языковых контактов: «1) с конца XIX в. до 1930-х гг. XX в. – период индивидуального билингвизма и устного заимствования; 2) 1930–1940 гг. XX в. – период группового (культурного) билингвизма и преобладающего письменного пути заимствования; 3) с 1945 г. по наши дни – период массового билингвизма и сосуществования устного и письменного путей заимствования» [Татаринцев 1974: 14]. В настоящее время в Республике Тыва продолжают процессы тувинско-русских языковых контактов: развивается билингвизм; в разговорной речи тувинцев наблюдаются новые речевые модели, заимствования и изменения в семантической структуре тувинских лексем, в которых влияние русского языка прослеживается в большей степени.

Рассматривая лексические единицы экспрессивного фонда двух разных языков, целесообразно обратиться к особенностям этнической психологии народов, так как экспрессивная лексика служит для передачи эмоций, чувств, отношений, выражает положительную или отрицательную оценку людей, предметов и явлений действительности. Этнопсихологический портрет любого народа формируется условиями жизни, быта, исторических событий, климатических особенностей и др. Общий этнопсихологический портрет тувинцев характеризуется следующим образом: интроверт, сдержанный в проявлении чувств, флегматичный темперамент, ориентированный на мнение рода, но и со

своеобразной неожиданной вспыльчивостью [Федотова 1997, 2005; Резников, Товуу 2002; Волков, Салчак, Шаалы 2009; Ламажаа 2011, 2018]. Русский национальный характер определяется как экстраверт, открыто и ярко выражающий эмоции и чувства, толерантный, стойкий, обладающий «мы»-психологией [Тер-Минасова 2000; Трофимов 2001; Павловская 2003]. В реферируемом исследовании сделана попытка представить особенности национального менталитета носителей сравниваемых языков через призму экспрессивных лексических единиц.

Объектом нашего исследования являются экспрессивные имена и экспрессивные словосочетания (далее – экспрессивные лексемы, экспрессивы) тувинского языка, характеризующие человека, в сопоставлении с аналогичными лексемами русского языка.

Выбор существительных как основного объекта изучения объясняется тем, что они являются наиболее частотными средствами экспрессивной выразительности, например: *кежээкей* ‘прилежный, старательный человек’, *угаанныгбай* ‘умник, умница (о смышлёном, послушном ребёнке)’, *сойлук* ‘собака (о человеке)’. Именно существительные выполняют функцию характеристики человека в любом языке. Как отмечает Т. В. Матвеева, «тема “Человек” отражена экспрессивной лексикой максимально полно и разнообразно. Чаще всего значение экспрессива сводится к понятию “человек”, “лицо”» [Матвеева 2013: 63].

В тувинском языке для характеристики человека широко используются также словосочетания с оценочной семантикой, например: *барба баш* ‘глупец, дурак’ (букв.: мешок голова; о глупом человеке), *чер кулак* ‘слухач’ (букв.: земля ухо; о человеке с острым слухом), *уйгу хавы* (ээзи) ‘засоня’ (букв.: мешок сна (хозяин сна); о человеке, любящем поспать).

Предметом исследования являются экспрессивные лексемы, характеризующие человека, в тувинском и русском языках. Рассматривается их структура, семантика, происхождение и особенности функционирования.

Актуальность исследования определяется тем, что экспрессивы как особые образные средства наиболее ярко отображают качества человека и его отношения в обществе. Сопоставительное исследование экспрессивной лексики в тувинском и русском языках важно с точки зрения определения базовых характеристик лица и выявления национально-специфических лексем, широты и степени их функционирования в каждом языке.

Когнитивно-антропоцентрический подход к исследованию языковых явлений, находящийся в фокусе современной лингвистической науки, широко применяется и при исследовании экспрессивной лексики.

Лексико-семантический подход позволяет выявить внутреннюю семантическую структуру экспрессивного слова.

Собранные языковые данные будут способствовать развитию сравнительно-сопоставительных, типологических исследований, а также новых для тувиноведения лингвистических направлений – лингвокультурологии, психолингвистики, когнитивной лингвистики, этнолингвистики, экспрессиологии и др.

Цель диссертационной работы – выявить состав экспрессивных лексем и устойчивых словосочетаний тувинского языка, характеризующих человека, проанализировать их в структурном, семантическом, сравнительно-сопоставительном аспектах.

Для достижения поставленной цели решаются следующие **задачи**:

- 1) выявить инвентарь экспрессивных имен и словосочетаний тувинского языка;
- 2) определить семантику и структуру экспрессивов в тувинском языке;
- 3) проследить происхождение экспрессивов в тувинском языке;
- 4) сопоставить семантические группы экспрессивов тувинского и русского языков;
- 5) определить сходства и различия семантической организации экспрессивных имен и словосочетаний тувинского и русского языков.

При изучении экспрессивных единиц использованы **методы**: сплошной выборки, описательный метод, сравнительно-сопоставительный метод, компонентный анализ.

Научная новизна данной работы заключается в том, что впервые в тувинском языкознании: а) исследуется тема экспрессивности на материале имен и словосочетаний, характеризующих человека; б) выявлены и систематизированы экспрессивные лексические средства тувинского языка; в) впервые данная тема исследуется в сопоставительном аспекте с применением когнитивно-антропоцентрического подхода в языках разного строя – тувинского и русского.

Теоретической и методологической базой исследования послужили труды лингвистов по экспрессивной лексике русского языка: Т. А. Трипольской [1983, 1985], Н. А. Лукьяновой [1986, 2015а, 2015б, 2017], О. Н. Лагута [2003], С. Л. Гурской [2010], Т. В. Матвеевой [2013]; по отдельным тюркским языкам: В. И. Лиханова [1994], А. М. Николаевой [2014]; по лексике тувинского языка: Б. И. Татаринцева [1974, 1976, 1987], Н. Д. Сувандии [2011]; по лексике тюркских языков в сравнительно-сопоставительном аспекте: О. Ю. Кокошниковой [2004], Н. Н. Широковой [2005], А. Я. Салчак [2005, 2017], Е. В. Тюттешевой [2006, 2018], А. Н. Майзиной [2008, 2019], А. А. Добрининой [2012], С. Д. Егиновой [2014], М. Д. Чертыковой [2015, 2019] и др.

Источники фактического материала на тувинском языке:

– картотека, включающая выборку экспрессивов из текстов художественной литературы тувинских писателей (около 3000 словоупотреблений экспрессивных существительных и словосочетаний, характеризующих человека);

– словари: «Тувинско-русский словарь» [1968], «Тувинско-русский фразеологический словарь» [1975], «Русско-тувинский фразеологический словарь» [1985], «Русско-тувинский словарь» [1980], «Толковый словарь тувинского языка» [2003, 2011], «Этимологический словарь тувинского языка» [2000, 2002, 2004, 2008, 2018];

– база Электронного корпуса текстов тувинского языка с использованием программы *Antconc*;

– материалы полевых исследований и записи спонтанной речи тувинцев.

В качестве источников материала русского языка послужили:

– словари: «Словарь русского языка» С. И. Ожегова [1989], «Большой толковый словарь русского языка» под ред. С. А. Кузнецова [2014];

– Национальный корпус русского языка (<http://www.ruscorpora.ru/>);

– материалы, представленные в работах Т. А. Трипольской [1983, 1985], Н. А. Лукьяновой [1986], С. Л. Гурской [2010], Т. В. Матвеевой [2013] и др.

Объем выборки русских лексических единиц, выявленный в указанных работах, существенно больше по сравнению с тувинской выборкой. Например, в исследовании С. Л. Гурской, посвященном именам существительным общего рода, характеризующим человека, в ярославских говорах, выявлено 1170 лексических единиц. Это слова, «оканчивающиеся в именительном падеже на *-а* (*-я*) и означающие лиц не только женского, но и мужского пола», ср.: *балда, бедняга, гулёна, заика, подлипала, соня, умница, худышка* и т. п. [Гурская 2010: 4–8]. В исследовании Т. А. Трипольской в системе русского литературного языка выявлено 940 существительных – характеристик лица, из них словообразовательных дериватов – 450 (*красавец, лентяй, симпатия, растрепан, карьерист, милок*), метафорических – 360 (*медведь, дуб, голова, лопух, артист, лозинка, Геркулес*), экспрессивов, не являющихся ни словообразовательными, ни семантическими дериватами, – 130 (*шкет, верзила, скряга, шалопай*) [Трипольская 1985: 9]. На материале экспрессивной лексики разговорного употребления в исследовании Н. А. Лукьяновой [1986] словник имен существительных – характеристик лица составляет 672 единицы (*белоручка, лодырь, лоботряс, тунядец, увалень, тюхляй, пестерь, чушка*), а всего словник экспрессивных лексем (существительные, прилагательные, глаголы) и лексико-семантических вариантов, приведенных в монографии, составляет 1870 единиц.

Количественное преобладание рассматриваемых лексем в русском языке естественно, так как, во-первых, круг источников русского языка несравненно шире круга источников тувинского языка; во-вторых, практика описания экспрессивной лексики русского языка уже насчитывает не одно десятилетие; в-третьих, это объясняется особенностями лексики русского языка, отражающей национальный темперамент.

Достоверность полученных результатов обеспечивается полнотой и разносторонним характером выборки фактического материала, адекватностью и непротиворечивостью избранных методологических принципов, опорой на авторитетные научные работы в качестве теоретической основы исследования, обращением к лексикографическим изданиям.

Положения, выносимые на защиту:

1. Экспрессивная лексика тувинского языка, характеризующая человека, формирует важный фрагмент языковой картины мира, отражает значимые характеристики человека. Сопоставительный аспект позволяет увидеть жизненные приоритеты, оценочную шкалу идеального человека в тувинском и русском обществе.

2. Инвентарь экспрессивных имён и именных словосочетаний тувинского языка насчитывает около 700 единиц. Выделено 24 семантические группы (далее СГ) по общему значению, из которых 13 СГ отрицательной оценки и 11 СГ положительной оценки.

3. Экспрессивы тувинского языка по структуре делятся на две группы: 1) представляющие собой отдельные лексемы – существительные; 2) словосочетания разной степени спаянности, состоящие из двух или более слов.

4. По способу формирования экспрессивности экспрессивные имена образуют три группы: 1) семантические дериваты; 2) словообразовательные дериваты; 3) заимствования.

5. По степени спаянности компонентов экспрессивные словосочетания могут обладать свободной сочетаемостью, могут быть фразеологически спаянными. Последнее особенно характерно для хроматических словосочетаний.

6. Экспрессивные словосочетания свободной сочетаемости демонстрируют определенную закономерность при формировании экспрессивного значения, выявлены маркеры, которые придают «экспрессивный заряд» обычным словам:

– лексема *чүве* ‘вещь, предмет, нечто’ (по отношению к человеку);
– отрицательные причастия *четпес* ‘недостаточный, неудовлетворительный’, *чорбас* ‘никудышный, плохой’, *бүтпес* ‘неблагополучный, неладный; чуждый’;

– хроматические лексемы *көк* ‘синий’, *кара* ‘черный’, *кызыл* ‘красный’.

7. Для характеристики человека с хорошей или плохой стороны в тувинском языке активно используется семантическая деривация – конверсия; в русском языке активна словообразовательная деривация – суффиксация.

8. В тувинском языке экспрессивное значение чаще появляется в переносных значениях лексем. Лексемы, имеющие прямое экспрессивное значение, являются заимствованиями из монгольского и русского языков.

9. Большая часть тувинских экспрессивов не дифференцирует пол и возраст характеризуемого лица. В русском языке самую многочисленную группу существительных составляют слова общего рода с флексией *-а / -я*, сочетающиеся со словами мужского и женского рода без разграничения по возрасту.

10. В сопоставляемых языках экспрессивы используются не только для отрицательной социальной характеристики человека (13 СГ), но и положительной (11 СГ).

11. Метафорический перенос наименований разных объектов и предметов на человека как вид семантической деривации одинаково распространен в рассматриваемых языках. Однако различный уклад жизни, типы хозяйствования, особенности мировидения тувинского и русского народов диктуют уникальный набор лексем, способных формировать переносные экспрессивные значения.

Теоретическая и практическая значимость диссертации состоит в том, что для тувинского языка впервые выделен пласт экспрессивной лексики, характеризующей человека, который описан в лексико-семантическом аспекте; полученные результаты будут способствовать систематизации лексического состава тувинского языка. Собранный фактический материал может быть использован в вузовской практике при разработке курсов по лексикологии тувинского языка, сравнительно-сопоставительным дисциплинам; в разработке разных типов словарей. Методика, примененная в работе, может быть распространена на исследование экспрессивной лексики других языков.

Апробация работы. По теме диссертации опубликовано 12 статей общим объемом 5,41 п. л., 5 из которых – в научных изданиях, опубликованных в рецензируемых изданиях, включенных в перечень ВАК Министерства науки и высшего образования РФ, в том числе три статьи в высокорейтинговых научных журналах, входящих в международные базы данных WoS и Scopus.

Результаты исследования были изложены в докладах на международных и всероссийских конференциях: XLIII–XLIV

Международная научная студенческая конференция «Студент и научно-технический прогресс» (2005–2007 гг., г. Новосибирск); «Языки народов Сибири и сопредельных регионов» (6–9 октября 2015 г., 11–14 октября 2016 г., г. Новосибирск); «Сатовские чтения» (21–22 октября 2016 г., г. Кызыл); III. Uluslararası Türk Dili Kurultayı (22–26 мая 2017 г., г. Анкара, Турция); Региональная научно-практическая конференция «А. А. Пальмбах – ученый, писатель, просветитель», посвященная 120-летию со дня рождения (14 октября 2017 г., г. Кызыл); Международная научно-практическая конференция, посвященная 25-летию Тувинского государственного университета (30 октября 2020 г., г. Кызыл).

Структура работы. Работа состоит из введения, двух глав, заключения, списка литературы, шести приложений.

СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

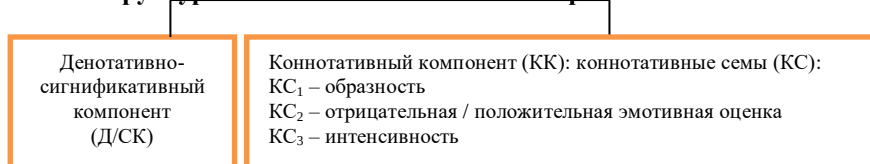
Во **Введении** приводятся сведения о функционировании тувинского языка в современном тувинском обществе, определяются объект и предмет исследования, обосновывается его актуальность и новизна, формулируются цель и задачи, а также положения, выносимые на защиту, характеризуются методологические основы исследования, его теоретическая и практическая значимость, перечисляются методы и источники материала.

В **первой главе** «Экспрессивная лексика как объект лингвистического изучения» дается обзор трудов по экспрессивной лексике в русском и тюркских языках; анализируются теоретические работы по теме исследования; обосновывается отнесение лексической единицы в ряд экспрессивных слов; раскрывается структура лексического значения экспрессивного слова; описываются способы образования экспрессивных значений, происхождение экспрессивных слов в тувинском языке.

Отнесение тех или иных лексических единиц в группу экспрессивов в тувинском языке осуществлялось на основе компонентного анализа лексем. Структура лексического значения экспрессивного слова представлена на Схеме 1.

Схема 1

Структура лексического значения экспрессивного слова



Рассмотрим структуру лексического значения экспрессивного слова *хорту* ‘женщина, баба, негодница’ в разговорной речи. Д/СК: женщина

(имя сущ., ед. ч.); **КК**: «КС₁» – ‘молодая или средних лет женщина, своенравная, не привыкшая слушаться’; «КС₂» – ‘плохая’; «КС₃» – ‘очень плохая женщина, негодница’.

Данная лексема в «Тувинско-русском словаре» [1968] не зафиксирована, хотя она бытует в разговорной речи – применяется в качестве ругательного слова по отношению к женщине. Часто употребляется в сочетании со словом *эшти* ‘женщина (ругат.)’: *эшти-хорту* в собирательном значении.

(1) *Мээң дуңмамны канчапкаш, чааскаан кел чыттың сен, хорту?! (3. Б., 117)*

мээң	дуңма=м=ны	канча=п=каш	чааскаан	кел
мой	брат=POSS/1Sg=ACC	делать=PFV=CV ₃	одна	приходить
чыт=ты=ң	сен	хорту		
лежать=PAST ₁ =2Sg	ты	негодница		

‘Что ты сделала с моим братом, почему одна пришла, негодница?!’

Во **второй главе** «Экспрессивные слова и словосочетания, характеризующие человека, в тувинском и русском языках» описываются экспрессивные существительные и словосочетания в тувинском языке, характеризующие человека, и проводится сопоставление семантических групп тувинского и русского языков.

Экспрессивные существительные в тувинском языке делятся на три группы: 1) семантические дериваты; 2) словообразовательные дериваты; 3) заимствования.

Экспрессивные словосочетания подразделяются на: 1) словосочетания свободной сочетаемости; 2) фразеологизмы; 3) устойчивые хроматические словосочетания. Соотношение данных групп экспрессивных существительных и словосочетаний в количественном отношении представлено в табл. 1.

Таблица 1

**Экспрессивные слова и словосочетания,
характеризующие человека, в тувинском языке**

Разновидность			Кол-во	Доля от общего кол-ва
Экспрессивные слова (существительные)	Семантические дериваты	Метафорические экспрессивы	105	10%
		Конверсивы	144	14%
	Словообразова тельные дериваты	Аффиксальные экспрессивы	71	0,5%
		Парные экспрессивы	30	0,03 %

	Займствования	Монголизмы	68	0,6 %
		Тюркизмы	10	0,001 %
		Русизмы	23	0,2%
Экспрессивные словосочетания	Словосочетания свободной сочетаемости		89	0,009%
	Фразеологизмы		118	11%
	Хроматические словосочетания		60	0,006%
Всего			718	100 %

Семантические дериваты – метафорические экспрессивы. В результате семантической деривации на основе метафоры появляется новое, переносное значение или лексико-семантический вариант слова, который становится экспрессивной лексемой – метафорическим экспрессивом¹.

Существует много работ, посвященных описанию метафоризации в русском языке. Так, подробно исследованы типы метафорических переносов имен существительных: «В функции характеристики лица употребляются названия лиц по роду занятий (*актер, инквизитор, клоун, сапожник*), названия диких и домашних животных (*медведь, волк, корова*) (В. К. Харченко), птиц (*орёл, сокол, петух, голубь, курица*), насекомых (*пчела, трутень, муравей*), растений (*мимоза, дуб, роза, пустоцвет*) (Г. А. Кутгубаева), предметов (*пила, мешок, спичка*) и т. п.» [Лагута 2003: 39]. В данной работе для рассмотрения материала тувинского языка мы учитываем все перечисленные выше типы метафорических переносов и привлекаем к данному списку схемы метафоризации, приведенные Н. А. Лукьяновой: метафорический перенос от названий реалий, не связанных с человеком: болезней, мифических и сказочных существ – в сферу ‘человек’ [Лукьянова 1986: 101].

Модели метафоризации, выявленные в тувинском языке:

– «животное → человек»: *аскыр* ‘жеребец’ → ‘любвеобильный человек’, *хой* ‘овца’ → ‘глупый человек’;

– «насекомое → человек»: *кымыскайа* ‘муравей’ → ‘трудолюбивый человек’, *саргы* ‘клещ’ → ‘навязчивый человек’;

– «растение → человек»: *шагар-оът* ‘крапива’ → ‘раздражительный человек’, *чечек* ‘цветок’ → ‘красивая девушка’;

– «неодушевленный предмет → человек»: *сек* ‘падаль’ → ‘плохой человек’, *ыйлаңгы* ‘пузырь во внутренних органах мелкого скота’ → ‘пустой человек’, *көжээ* ‘стела, каменное изваяние’ → ‘инертный, неподвижный человек’;

¹ Термин *метафорический экспрессив* впервые в научный оборот ввела Н. А. Лукьянова [Лукьянова 1986: 100].

– «мифическое существо → человек»: *бук* ‘дух, бес’ → ‘плохой, злой человек’, *диирен* ‘демон, злой дух’ → ‘сумасшедший человек’;

– «сказочное существо → человек»: *чылбыга* ‘баба-яга’ → ‘недобрый, неопрятный человек’, *даңгына* ‘царевна, дочь-хана’ → ‘красивая молодая девушка’;

– «нейтральное существительное → человек». В основе переноса лежат признаки внешнего вида, социального положения, национальной принадлежности, физического состояния, особенности характера, поведения: *дулгуяк* ‘вдова’ → ‘сварливый человек’;

– «род занятий → человек»: *артист* ‘веселый, артистичный человек’, *клоун* ‘смешной, веселый человек’.

Реализация представленных моделей выявлена на примере более 100 лексических единиц в различных контекстах. Приведем некоторые из них.

(2) *Мээң караамга көзүлбес, черликишээн кара аза бо ышкажыл сен!* (СС, АД, 61)

мээң	кара=ам=га	көзүл=бес	черликишээн
мой	глаз=POSS/1Sg=DAT	показывать=NEG	одичалый
кара	аза	бо	ышкажыл
черный	чёрт	этот	ведь
			ты

‘Ах вот ты где, одичавший чёрный чёрт, что не попался мне на глаза!’

В этом примере адресата речи называют одичавшим чёрным чёртом из-за того, что, видимо, он был неуловимым, нельзя было его застать в нужное время. Он подобен чёрту, который скитается, где хочет и сколько хочет. Чёрт, как существо подземного мира, не подчиняется людям.

(3) *Ча-чаа мегелевейн көр, хек!* (СС, ЧЧ, 177)

ча-чаа	мегеле=ве=йн	көр=Ø	хек
да ну	обманывать=NEG=OPT	смотреть=IMP/2Sg	кукушка

‘Да ну, не обманывай, пожалуйста, кукушка!’

Хек ‘кукушка’ в тувинской языковой картине мира предстает, во-первых, как человек-пустослов, во-вторых, как женщина, которая бросает своих детей.

Приведем примеры русских предложений, извлеченные из Национального корпуса русского языка, в которых названия животных применяются по отношению к человеку: (4) *Я дал не ей по шее, а сыну, потому что он не учил уроки, а сидел перед телевизором, как осёл!* [Людмила Петрушевская. Маленькая волшебница // «Октябрь», 1996]. Лексема *осёл* употребляется для характеристики безответственного, глупого, упрямого человека. Зооморфизмы в русском языке часто

используются для прямого обращения к человеку: (5) *Потому что ты козёл и есть! Козёл ты рогатый! Ты сколько машину водишь, баран!* [Андрей Волос. Недвижимость (2000) // «Новый Мир», 2001].

«Общациональный образ, который базируется на прямом обозначении животного, позволяет носителю языка по-разному “поворачивать” его, и зооморфизм приобретает как бы собственную многозначность. Для одного *петух* – это избыточно энергичный человек, для другого – задира, забияка, скандалист, для третьего – хвостун, а для четвертого – вызывающе, крикливо одетый человек» [Матвеева 2013: 81]. Для тувинца петух или курица не имеет чёткого разграничения, в тувинском языке имеется лексема *дагаа* ‘курица’, которая передаёт общий собирательный образ. Чтобы назвать петуха в противопоставлении курице, используется лексема *аскыр* ‘жеребец, в сочетании с названиями некоторых животных обозначают самцов’ [ТРС 1968: 73]: *аскыр дагаа* ‘петух’. Чаще образ петуха / курицы для тувинца ассоциируется с бодрым, трудолюбивым человеком, который рано встает, это слово имеет положительную коннотацию.

Сравнение человека с животными может передаваться конструкциями с послелогом *ышкаш* ‘подобно, словно, как’ (*ак-саргы ышкаш* ‘словно клещ прилипчивый’; букв.: белый клещ словно), *дег* ‘как, подобно, вроде’ (*отка кагган сиир дег* ‘очень вспыльчивый’; букв.: как сухожилие в огне). М. И. Черемисина отмечает, что эталонами адъективных сравнений являются преимущественно предметы, хотя могут быть и животные, и даже люди, если они рассматриваются с точки зрения характерных для них стабильных внешних или внутренних признаков, например: *Кортуу ховаган дег / дези дээлдиген дег / чалчыраажы сааскан дег / сарыыл чогу мезил дег* ‘Словно бабочка труслив / словно коршун пуглив / как сорока болтлив, а уж глуп, как налим’ [Черемисина 2004: 605].

В тувинском языке метафорические экспрессивы употребляются также в роли обращений: названия животных, насекомых, мифических существ и др. используются по отношению к человеку.

В русском языке в роли обращений используются названия некоторых болезней и инфекций (*чума, холера, зараза, паразит*), что для тувинского языка неприемлемо. В тувинском языке широко употребляются отдельные слова или словосочетания, включающие в свой состав названия внутренних органов или продуктов жизнедеятельности животных, что связано с традиционным для тувинцев скотоводством: для обозначения упрямого человека употребляется словосочетание *теве сидиш* ‘моча верблюда’; в экспрессивном значении используются лексемы *чавана* ‘селезёнка’ о навязчивом, прилипчивом человеке; *ыйлаңгы* ‘пузырь во внутренних органах мелкого скота’ о скользком, несерьезном человеке и др.

Метафорические переносные значения являются универсальными и наиболее яркими средствами выражения экспрессивности: эмоционального отношения и социальных оценок (пренебрежение, осуждение, восхищение, похвала и т. д.) говорящего к предмету речи, субъекту. Большинство метафорических экспрессивов выражают отрицательную оценку.

Семантические дериваты: конверсивы. Для агглютинативных языков характерно использование конверсивов, образовавшихся в результате перехода слова из одной части речи в другую. В тувинском языке для характеристики человека часто используются субстантивные прилагательные, нами выявлено 144 случая конверсии именных слов, употребляемых для характеристики человека.

Категориальным значением прилагательного является выражение признака и свойства предмета. В тувинском языке для передачи семантики интенсивности используется также направление производности: **признак** → **усиление признака**, например, лексема *аргажок* может выступать в роли наречия со значением меры и степени (*очень, весьма, совсем*), прилагательного (*слабый, хилый, ничтожный, бедный*) и качественно-оценочного существительного (*слабак, бедняжка*). Ср. словарное толкование этой лексемы и примеры ее употребления в разных функциях: *аргажок* 1. очень, весьма, совсем. 2. слабый, хилый, ничтожный <...> 6. очень ослабевший человек <...> [ТСТЯ 2003: 150].

(6) *Чамдыкта көөрге, аргажок элбер-самдар чүве кедип алган чоруур болгай сен.* (Танова 2008: 60)

чамдыкта	кө=өр=ге	аргажок	элбер-самдар	чүве
иногда	смотреть=PrP=DAT	совсем	старый-рваный	вещь
кед=ип	ал=ган	чор=уур	бол=гай	сен
надеть=CV ₁	братъ=PP	идти=PrP/2Sg	быть=COND	ты

‘Иногда посмотришь на тебя, идешь, надев совсем рваные старые вещи.’

(7) *Бо аргажок амытанны канчап эдерттп алыр бис.* (Из сказки)

бо	аргажок	амытан=ны	канчап	эдерт=ип
этот	слабый	существо=ACC	как	братъ с собой=CV ₁
ал=ыр	бис			
братъ=PrP/3Pl	мы			

‘Как мы возьмем с собой это слабое (ничтожное) существо.’

(8) *Бо аргажокту ырак-узун орукче алган-даа ажыы бар бе?* (И-9)

бо	аргажок =ту	ырак-узун	орук=че
этот	хилый =ACC	далекий-длинный	дорога=LAT
ал=ган-даа	ажы=ы	бар	бе
братъ=PP-PTCL	пользы=POSS/3Sg	есть	ли

‘Этого хилыка стоит ли брать в столь дальний путь?’

Рассмотренные примеры демонстрируют способность именных лексем к активной транспозиции (конверсии) в тувинском языке. С помощью этого способа семантической деривации образуются многие качественно-оценочные существительные или экспрессивные лексемы, характеризующие человека. Известно, что язык стремится к экономии средств, поэтому функцию экспрессивной номинации в тувинском языке выполняет конверсия. В результате представленные экспрессивные конверсивы выступают и как качественно-оценочные существительные, и как прилагательные, и как наречия-интенсификаторы.

В русском языке некоторые прилагательные могут потенциально употребляться как субстантивы в соответствии с направлением производности «признак → носитель признака»: *гундосый, косой, лопоухий, лупоглазый* и др. В работах по экспрессивной лексике Т. А. Трипольской [1983], Н. А. Лукьяновой [1986], Т. В. Матвеевой [2013] конверсии как один из способов образования экспрессивности не указывается. В Национальном корпусе русского языка нами обнаружен пример: (9) *И вызвать и **слабых**, и **сильных**, более того, **слабый** пускай стоит даже с **сильным** и пускай даже списывает, нам это не важно сейчас* [Дискуссия по педагогике // Из коллекции НКРЯ, 2007]. Данный пример показывает, что в русском языке возможна окказиональная субстантивация, при которой прилагательное употребляется в синтаксической позиции, типичной для существительных. Однако такое употребление не приводит к формированию экспрессивности. В этом состоит отличие тувинского языка от русского: в тувинском языке конверсия сопровождается появлением экспрессивности.

Тувинские экспрессивы также могут употребляться амбивалентно: *кайгал* 1. 'удалой, лихой, смелый // удалец, лихач, смельчак, 2. 'жуликоватый, воровской // жулик, вор'; *кулугур* 1. 'плут, плутовка', 2. 'удалец, ухарь' и др.

Амбивалентное употребление (эмоциональная энантиосемия по терминологии Т. В. Матвеевой) встречается у некоторых лексем в обоих языках. Одна и та же лексема может обозначать как отрицательную, так и положительную оценку в зависимости от контекста. В русском языке это явление отмечено для слов с положительным значением: *голубчик, золотко, лапушка, ласточка, деточка, милочка* и др., в определенном контексте они могут приобретать отрицательное значение: (10) *Ну знаешь, **милочка**, этого я тебе никогда не прощу!* (произносится с возмущением).

Некоторые тувинские конверсивы, помимо положительной и отрицательной коннотации, передают также семантику уничижения: *хөөкүй* 'бедный, несчастный, жалкий // бедняга'; *күжүр* '1) милый,

дорогой (человек); 2) жалкий, несчастный, бедный, бедненький (человек)' и др.

Словообразовательные дериваты: аффиксальные экспрессивы.

При образовании словообразовательных дериватов главную роль играет производящая основа. Как отмечает Т. А. Трипольская, «производящая основа и формант оказываются взаимообусловленными и взаимосвязанными, а семантика производящего слова является внутренним «контекстом» для отдельных морфем, который, влияя на значения составляющих частей, усиливает в них такие компоненты, как эмоциональность, оценочность, интенсивность. Ср.: суффикс *-ан*, соединяясь с экспрессивными основами (*пузан*, *интриган* и др.), как бы получает экспрессивный заряд, а затем, оформляя экспрессивное слово, образованное от нейтральных основ (*ушан*, *горлан*, *старикан*, *политикан*, *критикан* и др.), суффикс *-ан* уже играет решающую роль в актуализации экспрессивной семантики» [Трипольская 1985: 10–11].

В тувинском языке существительные при «универсальных» аффиксах деятеля *=чы*, *=кчы*, *=нчы*, *=мал* / *=мел* получают «экспрессивный заряд» в том случае, когда семантика производящей основы содержит оценочность: *арагачы* ‘алкоголик’ < *арага* ‘алкоголь’, *улчумал* ‘бродячий’ < *улчу* ‘бесцельно бродить’ и др.

Аффиксы *=кай* / *=гай*, *=най* / *=бай*, *=чак* / *=жак*, выступающие в роли уменьшительно-ласкательных в тувинском языке, могут привнести, кроме положительной семантики, также негативную семантику, что говорит о полифункциональности этих формантов в тувинском языке: *чуттугбай* ‘неряшка’, *олутнай* ‘лентяй, бездельник’, *чараишпай* ‘красотка’, *кызыжак* ‘девчушка / девица’.

В нашей выборке насчитывается 71 аффиксальный экспрессив в тувинском языке. Количество аффиксальных экспрессивов в русском языке значительно больше, чем в тувинском. Словообразовательная деривация в русском языке является основным способом образования экспрессивов: по данным Т. А. Трипольской, их насчитывается около 450, что также подтверждается исследованием С. Л. Гурской: «Основным способом создания существительных общего рода является в ярославских говорах суффиксация» [Гурская 2010: 5].

Среди экспрессивных словообразовательных дериватов представлены слова, образованные с помощью форманта *=ка*, восходящего к сочетанию русского уменьшительно-ласкательного суффикса *=к* и окончания *=а*, которые, войдя в тувинский язык, преобразовались в единый формант *=ка*, придающий словам уменьшительно-ласкательное, положительное значение: *чаптаашка* ‘милашка’, *оглушка* ‘сыночка’, он употребляется с именами собственными: *Темирка*, *Аржаанка*, *Алдынайка* и др.

Словообразовательные дериваты: парные экспрессивы.

Спецификой тувинского языка является наличие сложных и парных слов, употребляемых для характеристики человека: *балдыр-бээжсек* ‘малыш’ (букв.: по икры ног; ср. рус. *мужичок с ноготок*), *бора-хөкпеш* ‘синица’ (букв.: серая синица; по отношению к маленькому, жалкому, невлиятельному человеку), *дора-өлчүк* ‘голодранец, нищий’ (букв.: хуже смертника), *думаа-халаң* ‘сопляк’ (букв.: сопли текущие), *кады-кыраан / кады-кырыыр* ‘вместе стареющий’ (по отношению к супруге или супругу), *курт-чажар* ‘бабник’ (букв.: черви сеющий) и др.

Прилагательные в составе парных слов подчеркивают экспрессивность признака: *алыксак-чиксек* ‘корыстолюбивый’ (букв.: хочет взять себе, есть), *чуду-кара* ‘неряшливый, неопрятный’ (букв.: неряшливо черный), *сири-кавы* ‘лихорадочно суеящийся’ (букв.: трясущийся, суеящийся), *чазый-чилби* ‘ненасытно жадный’ (букв.: ненасытно жадный, алчный). Они сочетаются со словом *кижи* ‘человек’ и образуют словосочетания: *алыксак-чиксек киж* ‘корыстолюбивый человек’, *сири-кавы киж* ‘лихорадочно суеящийся человек’, *өде-чара киж* ‘бойкий, смелый человек’ (букв.: пролезающий и разделяющий человек) и т. д.

Если экспрессив сочетается со словом *чүве* ‘вещь, предмет, нечто’, он приобретает ярко выраженное экспрессивное значение, передающее раздражение, осуждение, негативное отношение, например: *чуду-кара чүве* ‘неряха’ (букв.: неряшливая вещь), *чазый-чилби чүве* ‘алчный человек’ (букв.: алчная вещь) и др. Чаще слово *чүве* присоединяется к экспрессивам с отрицательной оценкой, еще более усиливая коннотативное значение.

(11) ...*колхоз дээрге улуг ажыл-агый-дыр, ону эртем-сургуулдуг, улусту углап-баштап билир өде-чара, шыңгы киж херек.* (Танова, КБ, 118)

колхоз=Ø	дээрге	улуг	ажыл-агый-дыр	ону
колхоз=NOM	это	большой	работа-предприятие-PTCL	его
эртем-сургуул=дуг		улус=ту	угла=п-башта=п	бил=ир
наука-образование=POSSV		люди=ACC	направлять=CV ₁ -управлять=CV ₁	знать=PrP
өде-чара		шыңгы	кижи=Ø	херек
проникающий-бойкий		строгий	человек=NOM	нужен

‘...колхоз – это большое предприятие, им может управлять образованный, ведущий людей, бойкий, смелый и строгий человек.’

Компонент парного экспрессива может соединяться лишь с тем словом, которое по своему смыслу позволяет такую сочетаемость. Сочетаемость определяется самими носителями языка на основе их образного мышления, интуитивного восприятия мира и отношения к нему. Один из компонентов парного слова выполняет функцию интенсификатора, усиливая семантику экспрессива.

Классификация экспрессивов по происхождению. В тувинском языке экспрессивы в большинстве своем восходят к исконно тувинским основам. Отмечаются заимствованные экспрессивы из других языков: из монгольского (68 ед.), русского (23 единицы) и других тюркских языков через русский (10 единиц). См. табл. 2 на с. 18.

Территориальное соседство, исторические связи с Монголией обуславливают наличие в тувинском языке большого количества монголизмов экспрессивного содержания. Например, монг. *тархи* ‘хараал’, унижающее, оскорбительное слово – тув. *тарийги* ‘негодяй, жулик, мерзавец’:

(12) *Бо тарааны чүге адыш-адыш аайы-биле бөле төккүлөп каан сен, тарийги!* [– деп, дүжүмет дунук үнү дашкаар алышпышаан чаргыран хөрөктей-дир]. (СС, ЧЧ, 288)

бо тараа=ны чүге адыш-адыш аайы-биле
это зерно=ACC почему ладонь-ладонь порядок-INSTR
бөл=е төк=күлө=п ка=ан сен тарийги
собирать=CV₂ высыпать=ITER=CV₁ оставаться=PP ты мерзавец
‘«Ты почему разбросал зерно целыми горстями, мерзавец!» [– чиновник ругался своим грубым, хриплым голосом].’

Таблица 2

Экспрессивы – заимствования

Монголизмы	Русизмы	Тюркизмы
<i>бараскан</i> ‘бедняжка’	<i>амбал</i>	<i>баламут</i>
<i>идегет</i> ‘чуждый элемент’	<i>алкаш</i>	<i>балбес</i>
<i>кулугур</i> ‘плут, мерзавец; удалец’	<i>бомж</i>	<i>балда</i>
<i>мөдүхөө</i> ‘дурачина’	<i>блатной</i>	<i>батрак</i>
<i>нүгүлүүт</i> ‘тупица’	<i>дармод</i>	<i>болван</i>
<i>өлөшкүн</i> ‘негодяй’	<i>жмот</i>	<i>бугай</i>
<i>сойлук</i> ‘собака, о человеке’	<i>очкарик</i>	<i>салага</i>
<i>тарийги</i> ‘негодяй, жулик, мерзавец’	<i>тормоз</i>	<i>тулуп</i> и др.
<i>чолук</i> ‘негодяй, подлец’	<i>кино</i>	
<i>эрлиize</i> ‘хапуга’	<i>кино харя</i>	
<i>язы</i> ‘проклятый, окаянный’	<i>харя</i>	
<i>яңсан</i> ‘развратница’ и др.	<i>хулиган</i> и др.	

Тюркизмы-экспрессивы, как правило, входят в тувинский язык посредством русского языка и сохраняют исходное значение, которое они имеют в русском языке. Например,

(13) *Чүү мындыг балбес сен, улус-биле безин мөндилештеп!* (И-2)

чүү	мындыг	балбес	сен	улус-биле	безин
что	такой	балбес	ты	народ-INSTR	даже

мендиле=ш=пес
приветствовать=REC=NEG

‘Что ты за такой балбес, даже с людьми не здороваешься!’

Экспрессивы-русизмы, как показывают наши наблюдения, в тувинском языке активизировались в последние 20–30 лет. В художественной литературе такая лексика не встречается, она отмечается в разговорной речи. Например, заимствованное существительное *кино* приобретает дополнительное экспрессивное значение и обозначает непредсказуемого человека, удивляющего окружающих своим поведением, встречается в речи молодого поколения.

кино ‘кинофильм’ → ‘человек с нестандартным поведением’ (N^{Qual}):

(14) *Чайлып турба че, кино!* (И-2)

чайлы=п	тур=ба	че	кино
сваливаться=CV ₁	стоять=NEG	PTCL	кино (о человеке)

‘Да, не дури ты, кино!’

Экспрессивные словосочетания. Экспрессивные словосочетания, характеризующие человека, в тувинском языке по степени спаянности определяются как свободные и устойчивые. В ряду устойчивых выделяется особая группа хроматических словосочетаний.

Свободные словосочетания. Особенностью тувинского языка является наличие широкого ряда словосочетаний экспрессивной семантики, среди которых представлены словосочетания со словами *кижи* ‘человек’, *чүве* ‘вещь, предмет, нечто’, фразеологизмы и хроматические экспрессивные словосочетания.

В ряде словосочетаний в роли первого компонента выступает отрицательное причастие, произошедшее от отрицательной формы глагола:

четпес ‘недостаточный, неудовлетворительный’ < от глагола *чедер* ‘хватать’: *четпес чүве* ‘ненормальный человек (тип)’, *четпес киж* ‘неудовлетворительный человек (тип)’;

чорбас ‘никудышный, плохой’ < от глагола *чоруур* ‘идти, ехать, уезжать’: *чорбас киж* ‘плохой человек (тип)’, *чорбас чүве* ‘никудышный человек (тип)’;

бүтпес ‘неблагополучный, неладный; чуждый’ < от глагола *бүдөр* ‘сбываться, налаживаться’: *бүтпес хей* ‘неладный тип’, *бүтпес идегет*

‘чуждый элемент / чужак’, *бүтпес аңгы* ‘неблагополучный класс (группа людей)’.

Словосочетания – фразеологизмы (несвободные). В значении этих словосочетаний заложен определенный образ: *хыл боостaa* ‘человек, который медленно ест’ (букв.: волос горло), *андазын бут* ‘человек с кривыми ногами’ (букв.: плуг нога), *барба баи* ‘человек с большой головой’ (букв.: мешок голова), *арны дүктүг* ‘стеснительный человек’ (букв.: лицо с волосами) и др. В русском языке имеется большое количество фразеологизмов, характеризующих человека: *синий чулок*, *легко на подъем* и др. Для сопоставительного анализа в данной работе были привлечены только экспрессивные имена существительные русского языка, устойчивые словосочетания русского языка к сопоставлению не привлекались.

Хроматические словосочетания. Специфичными для тувинского языка являются хроматические имена *көк* ‘синий’, *кара* ‘черный’, *кызыл* ‘красный’, выступающие в качестве интенсификаторов. Цветообозначения *кара* ‘черный’, *көк* ‘синий’ и *кызыл* ‘красный’ широко употребляются в экспрессивной функции для выражения высокой степени проявления признака.

В прямом значении эти прилагательные употребляются в составе словосочетаний, построенных по модели $\text{Adj}^{\text{Chrom}} + \text{N}$, где N – имя существительное предметной семантики, $\text{Adj}^{\text{Chrom}}$ – прилагательное-цветообозначение, например: *кара идик* ‘черная обувь’, *көк дээр* ‘синее небо’, *кызыл ном* ‘красная книга’. Значение интенсификатора признака они приобретают, сочетаясь со словами других частей речи – прилагательными (Adj), наречиями (Adv), а также именами существительными качественно-оценочной семантики (N^{Qual}).

Нами обнаружено более 60 сочетаний с данными цветообозначениями, выступающими в функции интенсификаторов, которые приобрели это значение в результате переноса: $\text{Adj}^{\text{Chrom}} \rightarrow \text{Adj}^{\text{Int}} \rightarrow \text{Adv}^{\text{Int}}$ (**признак → усиление признака, интенсивности**). Все стадии формирования переносного значения характерны для лексем *көк* ‘синий’, *кара* ‘черный’, тогда как для лексемы *кызыл* ‘красный’ характерна только первая ступень формирования переносного значения: $\text{Adj}^{\text{Chrom}} \rightarrow \text{Adj}^{\text{Int}}$.

Хроматические словосочетания распределяются по следующим моделям:

1) модель $\text{Adj} + \text{N}^{\text{Qual}}$: *кара чолук* ‘совсем плохой негодяй’ (букв.: черный негодяй); *көк көдээ* ‘совсем деревенский’ (букв.: синяя деревня); *кызыл кижиги* ‘старательный человек’ (букв.: красный человек);

2) модель $\text{Adj} + \text{N}_{\text{Instr}}$: *кара маң-биле* ‘со всего разбегу, со всех ног’ (букв.: черным бегом);

3) модель Adv^{Int} + Adj: *кара халап* ‘ужасный, катастрофический’ (букв.: черный ужасный);

4) модель Adv^{Int} + Adv: *кара туразында* ‘совершенно по-своему, как хотят’ (букв.: черный в его (своей) воле);

5) модель Adv^{Int} + Adj / Adv:

кара элдеп ↗ Adv^{Int} + Adv ‘совершенно удивительно’



↘ Adv^{Int} + Adj ‘совершенно удивительный’

(15) *Ол чааскаан орда, Шулу-Мөңгүн кара элдеп кылдыр кеденгирлеп кирип кээр* (К.-Э. К. Ч. ч. I)

ол	чааскаан	ор=да	Шулу-Мөңгүн	кара	элдеп
он	один	сидеть=PrP=LOC	Шулу-Монгун	черный	странно
кылдыр	кеденгирле=п		кир=ип	кэ=эр	
так	подкрадываться=CV ₁		входить=CV ₁	приходить=PrP	

‘Когда он сидит один, Шулу-Монгун совершенно странно так, подкрадываясь, заходит.’

(16) *Анаа кара элдеп чүве-дир аа!* [– деп, Дагыр хунду кайгап, ак чиңезин кылаңадыр бажын чайган]. (К.-Э. К. Кара)

анаа	кара	элдеп	чүве-дир
просто	черный	удивительный	вещь-PTCL

‘«Да уж, **совершенно** удивительная вещь!» [– сказав, Дагыр хунду, удивляясь, замахал головой так, что засверкал белый чинзе ² на голове].’

В русском языке значение интенсивности отмечено для наречия *по-чёрному*, образованного от прилагательного *чёрный*, ср.: *пить по-чёрному, работать по-чёрному*.

Свободные и устойчивые словосочетания занимают особое место среди экспрессивов, так как выполняют экспрессивную функцию в любом языке. В каждом языке они связаны с картиной мира, стереотипами, поэтому отражают неповторимые, уникальные представления, характерные только для этого языка. Тувинский язык отличается тем, что в нём есть хроматические экспрессивы, отрицательные причастия и слова типа *чүве* ‘вещь, предмет, нечто’, усиливающие экспрессивное значение словосочетаний.

Семантические группы экспрессивов в тувинском и русском языках. Сопоставительный анализ экспрессивных лексем тувинского и русского языков показал, что из всех выделенных нами 24 СГ большая часть экспрессивов, характеризующих человека, дают ему негативную оценку – 13 СГ, 11 СГ включают единицы положительной оценки.

² *Чинзе* – знак ранга у чиновников; прикреплялся к головному убору.

Лексическое значение единиц каждой СГ подверглось компонентному анализу, который позволил выявить семы, указывающие на дополнительные смыслы, дифференцирующие эти единицы.

10 СГ образуют антонимичные ряды, выражающие порицание и восхваление тех или иных качеств человека. Семантические группы *авыяас киж* ‘лицемерный человек’, *арагачы киж* ‘пьяница’, *бардам киж* ‘человек самонадеянный, самодовольный, кичливый, чванливый’ не имеют экспрессивных антонимичных пар положительной оценки в обоих языках. Экспрессивных лексем, выражающих антипод лицемерного, высокомерного и пьяного человека, не обнаружено. В отрицательной оценке различных качеств человека содержится скрытый образ идеального человека.

Семантическая группа с положительной оценкой *эргим, чоок киж* ‘человек любимый, близкий’ не имеет экспрессивно выраженных антонимов, не зафиксировано единиц, обозначающих нелюбимого, неблизкого человека.

Выявлены специфичные экспрессивы, характеризующие человека, в тувинском и русском языках. Так, в современном тувинском языке сохранились лексемы: *кул* 1. ‘раб’ → 2. ‘о том, кто бесплатно кому-то очень много, непомерно прислуживает’; *чалча* 1. ‘слуга, прислужник’ → 2. ‘о том, кто кому-то прислуживает’; *хөлечик* 1. ‘батрак’ → 2. ‘о том, кто кому-то прислуживает, чернорабочий человек’; *карачал* ‘бедный, простой (человек)’. Данные лексемы употребляются в оценочно-экспрессивном значении:

(17) *Бо улустуң уруг-дарыын ап, бажың-балгадын карактаар кулу болдум шуут.* (И-6)

бо	улус=туң	уруг-дары=ы=н	а=п
это	люди=GEN	дети-детвора=POSS/3Sg=ACC	нянчить=CV ₁
бажың-балгад=ын	каракта=ар	кул=у	бол=ду=м шуут
дом-помещение=POSS/3Sg	следить=PrP	раб=POSS/3Sg	быть=PAST ₁ =POSS/1Sg PTCL

‘Я вообще стала рабом для этих людей, детей нянчу и за домом присматриваю.’

(18) *Ол өгнүң аар-саар ажылын кылыр хөлечиги чордуң чоп.* (И-8)

ол	өг=нүң	аар-саар	ажыл=ы=н	кыл=ыр
тот	дом=GEN	всякие	работа=POSS/3Sg=ACC	делать=PrP
хөлечи=ги		чор=ду=ң	чоп	сен
батрак=POSS/3Sg		ходить=PAST ₁ =POSS/2Sg	PTCL	ты

‘Ты ведь вообще у того дома батраком числишься, делаешь их всякую работу.’

В тувинском языке не обнаружено экспрессивных слов, обозначающих физический недостаток человека, тогда как в русском языке на материале

ярославских говоров отмечены слова *горбуша* (о горбатом человеке), *ходя* (прихрамывающий человек), *кандыбала* (хромой человек), *немень* (картавый человек) [Гурская 2010: 10].

Интересным является тот факт, что в русском языке есть специальные лексемы, обозначающие склонность человека к оптимизму (*негорюха*, *уморушка* и др.) и пессимизму (*завывала*, *кукса* и др.) [Гурская 2010: 13], тогда как в тувинском языке экспрессивы с такими значениями не встретились.

Наиболее частотным способом формирования экспрессивного значения в обоих языках является метафорический перенос. При метафорической вербализации в исследуемых языках используются конкретные реалии, связанные с традиционным укладом жизни и мировидением.

Наиболее многочисленными по своему составу и в тувинском, и в русском языках является СГ *чалгаа кижси* ‘человек ленивый’, которая подразделяется на семантические подгруппы, связанные причинно-следственными отношениями, мотивационной связью (36 единиц): **ленивый, потому что...**

1) медлительный, нерасторопный, малоподвижный: *адаа аар* ‘медлительный, неповоротливый (букв.: низ его тяжелый, ср. рус. *тяжелый на подъем*)’; *көк шой кижси* ‘неподвижный, инертный человек (букв.: синий чугунок человек)’ и др. (7 единиц);

2) неумелый, делает работу спустя рукава: *карак чаар кижси* ‘человек, который делает работу недобросовестно, небрежно, без знания дела’ (букв.: глаза мазать человек); *тудуп каан далган* ‘безвольный, ленивый человек’ (букв.: замешанное тесто) и др. (8 единиц);

3) любит спать, лежать, сидеть: *инек-сокпа* ‘о сонном, ленивом человеке’ (букв.: сова < *инек* ‘корова’ + *сокпа* не семантизируется), *уйгужу* ‘засоня’; *уйгу хавы* ‘засоня (букв.: мешок для сна)’; *уйгу ээзи* ‘засоня (букв.: хозяин сна)’ и др. (5 единиц);

4) любит поесть: *маңгыс* ‘обжора, дармод’, *диштиг тулуп* ‘дармод’ (букв.: зубастый мешок из цельной выделанной кожи), *хырын ээзи* ‘обжора’ (букв.: хозяин желудка) (3 единицы);

5) шляется: *суг чүректиг* ‘легкомысленный, ленивый’ (букв.: с водяным сердцем); *улчумал* ‘бродяга, скиталец, непоседливый человек’ и др. (5 единиц);

6) не работает, не имеет определенного занятия: *тулуп* ‘о вялом, безвольном человеке’; *дириг тулуп* ‘глупец, дармод’ (букв.: живой мешок из цельной выделанной кожи) (6 единиц).

Таблица 3

Характеристика человека по отношению к труду

ЛЗ*	ОС*	Дифференциальные семы							
Семы	Ленивый	медлительный, нерасторопный, малоподвижный	не работает, не имеет определенного	неопытный, неряшливый, внешний вид	неумелый делает работу спустя рукава	несерьезный	любит спать, лежать, сидеть	любит поест	шляется
Язык									
Тув.	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Рус.	+	+	+	–	+	+	+	–	+
<i>антоним</i>	<i>трудолюбивый</i>	<i>усердный</i>	<i>умелый</i>	<i>ловкий</i>	<i>подвижный</i>	<i>быстрый</i>	<i>старательный</i>	<i>упорный</i>	<i>добросовестный</i>
Тув.	+	+	+	–	–	–	+	+	+
Рус.	+	+	+	+	+	+	–	+	–

*ЛЗ – лексическое значение, *ОС – общая сема

По результатам исследования Н. А. Лукьяновой на материале говоров Новосибирской области объем группы «человек ленивый (не любит / не хочет трудиться)» составляет 73 единицы (*балантряс, бродня, злыдень, варлыга, шилохвостка* и др.), тогда как на материале русского литературного языка данная группа включает 44 слова (выборка из толковых словарей, записей разговорной речи и письменных текстов: *балбес, захребетник, квашня, нахлебник, оболтус* и др.). См. табл. 3. на с. 23.

Материал подтверждает, что человек ленивый осуждается любым обществом, в том числе в рассматриваемых языках – тувинском и русском.

К группе с богатой семантической структурой в тувинском языке относится СГ *бардам кижжи* ‘человек самонадеянный, самодовольный, кичливый, чванливый’. В тувинском обществе осуждается поведение высокомерного, хвастливого и жеманного человека, что подтверждается большим количеством лексем с разными оттенками значения. Это указывает на то, что тувинцы ценят мнение «соплеменников», ориентируются на мнение своего рода.

В **Заключении** приводятся основные выводы и результаты исследования.

1. Инвентарь экспрессивных лексем тувинского языка составляет около 700 единиц, все экспрессивы распределены нами на 24 СГ по семантике, из которых 13 СГ передают отрицательную оценку и 11 СГ

положительную оценку. Все СГ экспрессивов сопоставлены с СГ русского языка.

Антонимичные ряды образуют следующие 10 СГ: ленивый ↔ трудолюбивый, глупый ↔ умный, медлительный ↔ быстрый, сильный ↔ слабый, злой ↔ добрый, щедрый ↔ жадный, уродливый ↔ красивый, болтливый ↔ молчаливый, храбрый ↔ пугливый, озорной ↔ унылый. 4 СГ не имеют антонимичной пары в обоих языках: *эргим*, *чоок киж*и ‘любимый, близкий человек’, *авыяас киж*и ‘лицемерный человек’, *арагачы киж*и ‘пьяница’, *бардам киж*и ‘самонадеянный, самодовольный, кичливый, чванливый человек’.

2. Самыми многочисленными семантическими группами в обоих языках являются группы «человек ленивый» (36 единиц) и «человек глупый» (31 единица).

3. О заимствованной лексике в составе тувинских экспрессивов, можно сказать, что количественный анализ материала показал, что в тувинских художественных текстах наиболее частотными являются лексемы, заимствованные из монгольского языка: *сойлук* ‘собака (ругательно по отношению к человеку)’, *бараскан* ‘бедняжка’, *язы* ‘проклятый’ и др. Практически все семантические группы экспрессивов отрицательной оценки включают в свой состав монголизмы. В последнее время экспрессивная лексика русского языка активно используется в разговорной речи тувинцев. Наблюдаются также случаи использования неэкспрессивных лексем русского языка в экспрессивном значении.

4. Экспрессивы тувинского языка по структуре делятся на две группы: 1) представляющие собой отдельные лексемы – существительные; 2) словосочетания разной степени спаянности, состоящие из двух или более слов.

5. Устойчивые словосочетания – фразеологизмы в любом языке являются яркими средствами выражения экспрессивности. Наш материал по тувинскому языку продемонстрировал богатство устойчивых словосочетаний, употребляющихся для характеристики человека.

6. В результате проведенного исследования выделено 13 СГ, обозначающих отрицательные характеристики человека, и 11 СГ экспрессивов с положительной оценкой. Экспрессивные единицы связаны с проявлением эмоционального отношения, поэтому значимыми являются как отрицательные, так и положительные характеристики человека. Экспрессивная семантика проанализированных лексем в обоих языках позволяет устанавливать их взаимные соответствия в условиях межкультурной коммуникации.

7. В языковой картине мира тувинцев идеальный тувинец предстает как человек сдержанный в проявлении чувств, своего мнения, отличающийся мирным поведением, здоровый, сильный, обладающий

положительными качествами – скромностью, трудолюбием, добротой, готовностью помочь своим близким и народу.

В **Приложении** приводятся основные термины работы, таблицы с классификациями, словник и образцы компонентного анализа экспрессивов тувинского языка, списки информантов и источников материала.

По теме диссертации опубликованы следующие работы:

а) в изданиях, рекомендованных ВАК для публикации результатов докторских и кандидатских исследований:

Анна́й Э. К. Лексемы *кара* ‘черный’, *көк* ‘синий’, *кызыл* ‘красный’ как экспрессивные средства в тувинском языке // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. Т. 15, вып. 9: Филология. Новосибирск, 2016. С. 93–111.

Анна́й Э. К. Экспрессивность как часть антропоцентрической парадигмы в языке (на примере тувинского и русского языков) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 10 (76). Тамбов, 2017. С. 51–55.

б) в изданиях, входящих в международные базы данных WoS и Scopus:

Анна́й Э. К. Экспрессивные имена монгольского происхождения в современном тувинском языке // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований, № 3 (13). Томск, 2016. С. 9–18.

Анна́й Э. К. Метафорические экспрессивы в русском и тувинском языках // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. № 3 (17). Томск, 2017. С. 9–14.

Анна́й Э. К. Отражение метафорических экспрессивов в тувинской лексикографии // Сибирский филологический журнал. 2021. № 1 С. 252–264. DOI 10.17223/18137083/74/19

в) в других изданиях:

Онда́р (Анна́й) Э. К. Экспрессивные существительные, характеризующие человека в тувинском языке // Материалы XLIII Международной студенческой конференции «Студент и научно-технический прогресс». Новосибирск, 2004. С. 130–132.

Онда́р (Анна́й) Э. К. Собственно экспрессивные существительные в тувинском языке, характеризующие человека, в сравнении с алтайским и хакасским языками // Материалы XLIII Международной студенческой конференции «Студент и научно-технический прогресс». Новосибирск, 2005. С. 140–142.

Онда́р (Анна́й) Э. К. Экспрессивные дериваты, образованные по метафорической модели «мифическое существо → человек» в тувинском языке // Материалы XLIV Международной студенческой конференции

«Студент и научно-технический прогресс». Новосибирск, 2006. С. 150–152.

Ондар (Анна) Э. К. Экспрессивные дериваты, образованные по модели «неживой объект → человек» в тувинском языке // Международный журнал по сибирским исследованиям “Sibirische Studien”. 1.2. Göttingen-Istanbul, 2006. Pp. 161–176.

Ондар (Анна) Э. К. Экспрессивные дериваты, образованные по модели «животное – человек» и «неживой объект – человек», в тувинском языке // Материалы XLV Международной студенческой конференции «Студент и научно-технический прогресс». Новосибирск, 2007. С. 122–125.

Анна Э. К. Тыва дыл грамматиказында бичеледир, чассыдар кожумактар дугайында айтырыг болгаш оларның чугаа дылында ажыглалы ‘Вопрос об уменьшительно-ласкательных аффиксах в грамматике тувинского языка и их употребление в разговорной речи’ // Tehlikedeki Diller Dergisi/ Journal of Endangered Languages. Turkic languages (JoFEL) Cilt / Volum 9, Sayı / Issue 14, Winter / Kış. 2019. Pp. 11-16. www.tehlikedekidiller.com

Анна Э. К. Этнопсихологический портрет тувинского и русского народов на материале экспрессивных лексем // В сборнике: Развитие ТувГУ в XXI веке: интеграция образования, науки и бизнеса. материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 25-летию Тувинского государственного университета. Кызыл, 2020. С. 90–94.

Список условных сокращений и обозначений

Adj – имя прилагательное; **Adj^{Chrom}** – хроматические прилагательные; **Adj^{Int}** – прилагательное интенсификатор; **Adv** – наречие; **Adv^{Int}** – наречие интенсификатор; **N^{Qual}** – качественно-оценочное имя существительное; **N^{Instr}** – имя существительное в инструментальном падеже; **ACC** – винительный падеж; **CAUS** – понудительный залог; **COND** – условное наклонение; **CV₁** – соединительное деепричастие на =n; **CV₂** – слитное деепричастие на =a; **CV₃** – деепричастие прошедшего времени на =gaa; **DAT** – дательный падеж; **GEN** – родительный падеж; **IMP** – повелительное наклонение; **LAT** – направительный падеж; **LOC** – местный падеж; **NOM** – основной падеж; **OPT** – согласительное (желательное) наклонение; **PAST₁** – прошедшее время на =dy; **PFV** – совершенный вид; **PI** – множественное число; **POSS** – посессивный аффикс; **POSSV** – форма обладания; **PTCL** – частица; **PP** – причастие прошедшего времени на =gan; **PrP** – причастие будущего времени на =ap;

REC — совместно-взаимный залог; **RFL** — возвратный залог; **Sg** — единственное число.